

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327.2(410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-10-32

«Мировая революция» на окраинах Британской империи во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность?

Евгений Ю. Сергеев

*Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия, eugene.sergeev59@gmail.com*

Аннотация. Основанная на использовании широкого круга источников, включающих российские и британские архивные документы, опубликованную дипломатическую переписку, дневники участников событий и прессу, статья посвящена попыткам реализации Коминтерном идеи «мировой революции» в государствах Среднего Востока – Персии и Афганистане, а также в китайских владениях – Синьцзяне и Тибете, которые в рассматриваемый период второй половины 1920-х гг. фактически обрели независимый статус. Автор последовательно рассматривает различные формы и методы экспорта революционных практик на территорию азиатских окраин Британской империи, ключевое положение в которой занимал Индостан. В результате исследования было установлено, что к началу 1930-х гг. концепция «мировой революции» как одно из направлений советской внешней политики претерпела трансформацию из реальности в миф, который стал выполнять главным образом пропагандистские функции. Кроме того, автор пришел к заключению, что эта трансформация оказывала серьезное влияние на развитие советско-британских отношений в годы правления второго консервативного правительства С. Болдуина, носившее зигзагообразный характер – от состояния взаимной конфронтации в 1925–1926 гг. через разрыв 1927 г. к восстановлению после возвращения к власти лейбористской партии в 1929 г.

Ключевые слова: Британская империя, советско-британские отношения, «мировая революция», Персия, Афганистан, Синьцзян, Тибет

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. «Мировая революция» на окраинах Британской империи во второй половине 1920-х гг.: миф или реальность? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 10–32. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-10-32

“World Revolution”
on the outskirts of the British Empire
in the second half of the 1920’s. Myth or reality?

Evgeny Yu. Sergeev

*Russian Academy of Sciences Institute of World History
Moscow, Russia, eugene.sergeev59@gmail.com*

Abstract. Based upon the wide range of sources, including Russian and British archival documents, published diplomatic correspondence, diaries penned by some eye-witnesses and newspaper commentaries, the article dwells upon the attempts by the Comintern to bring to life the ideas of “world revolution” in the Middle East states – such as Persia and Afghanistan, as well as in the Chinese possessions – Sinkiang and Tibet, which in the period under review – the second half of the 1920s, gained a quasi-independent status. The author meticulously examines various forms and methods of exporting revolutionary practices to the British Empire Asian outskirts, where Indian subcontinent occupied a key position. As a result of the study, it was established that by the beginning of the 1930s, the concept of the “world revolution” as one of the directions of Soviet foreign policy underwent a transformation from reality into a myth, which began to perform mainly propaganda functions. Besides that, the author came to conclusion that the transformation had a serious impact on the development of Soviet-Britain relations during the second conservative government of S. Baldwin, being zigzag in nature – from the state of mutual confrontation in 1925–1926, through the rupture of 1927, to the restoration after the return to power of the Labour Party in 1929.

Keywords: British Empire, Soviet-British relations, “world revolution”, Persia, Afghanistan, Sinkiang, Tibet

For citation: Sergeev, E.Yu. (2022), “‘World Revolution’ on the outskirts of the British Empire in the second half of the 1920’s. Myth or reality?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 10-32, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-4-10-32

Хорошо известно, что идея «мировой революции», понимаемая как интернациональная солидарность трудящихся в борьбе за свержение правящих режимов и радикальное преобразование социальных отношений, формировалась в представлениях мыслителей, политических и общественных деятелей на протяжении XVII–XIX вв. Большое влияние на ее концептуализацию оказали демократические движения в ведущих европейских государствах, прежде всего Великобритании, Франции, Германии и США. Свою законченную форму эта идея получила в «Манифесте Коммунистической партии», опубликованном К. Марксом

и Ф. Энгельсом в 1848 г. Текст манифеста не оставлял у читателя сомнений в целях его авторов: «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир»¹.

Международными организациями, которые прямо поставили перед собой задачу осуществления «мировой революции», стали Первый и Второй Интернационалы – объединения рабочих, созданные при непосредственном участии основателей марксизма. Однако их возникновение и деятельность по объективным причинам, рассмотрение которых выходит за рамки статьи, не повлекли за собой немедленного перехода к осуществлению этой идеи. Только в результате мировой войны и российской революции 1917–1922 гг. сложились, как полагали тогда лидеры международного социалистического движения, реальные условия для «раздувания мирового пожара», используя метафору А.А. Блока. И главную роль в этом процессе, по замыслу В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина и других большевистских лидеров, должен был сыграть уже Третий, Коммунистический Интернационал (Коминтерн), образованный на конференции представителей крайне левых политических сил в Москве 4 марта 1919 г.

Разумеется, не требует доказательств тот факт, что противники большевизма во всех цивилизованных странах восприняли создание Коминтерна, руководители которого сразу же приступили к практическому достижению главной цели его существования, как серьезную угрозу восстановлению миропорядка, нарушенного глобальной военной катастрофой и революционными силами, стремившимися использовать ситуацию для захвата политической власти. «Социализм или гибель в варварстве» – такой лозунг, выдвинутый Р. Люксембург – пламенной германской революционеркой в одном из программных документов группы «Спартак», указал на проблему, с которой столкнулась либеральная демократия в западных странах [Драбкин 1998, с. 4].

Цель автора статьи состоит в освещении важного, но фактически неисследованного и остающегося дискуссионным вопроса о том, насколько реализация идеи «мировой революции» представляла опасность для существования крупнейшего по территории и населению государства планеты – Британской империи. О далеко недостаточной изученности интересующей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.

нас темы свидетельствует, к примеру, включение составителем в объемистый тематический сборник «Коминтерн и идея “мировой революции”» всего лишь четырех небольших документов, касающихся перспектив социальной революции в Соединенном Королевстве, из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) [Драбкин 1998, с. 464–467, 534–538, 589–598, 811–814]. При этом даже в этих документах речь идет преимущественно о положении дел в самой метрополии, но никак не на окраинах империи, раскинувшейся на территории пяти континентов.

К сожалению, объем статьи вряд ли позволяет даже пунктирно обрисовать положение дел на всех границах Британской империи. Кроме того, следует принять во внимание специфику ситуации, которая складывалась именно в регионах бывшей Большой Игры между Петербургом и Лондоном – т. е. их геополитического соперничества по навязыванию странам и народам Азии соответственно демократической и авторитарной моделей индустриальной модернизации в конце XIX – начале XX в. [Сергеев 2012, с. 6]. Поэтому автор фокусирует внимание на Персии, Афганистане, Синьцзяне и Тибете, которые во второй половине 1920-х гг. составляли важнейшие контактные зоны взаимодействия Британской империи и Советского Союза, сменившего самодержавную Россию в качестве ведущего актора международной политики на пространствах Евразии.

Уже сам заголовок статьи дает представление о вопросах, ответы на которые потребуют авторской интерпретации событий рассматриваемого периода, характеризовавшегося противоречивыми тенденциями советско-британских отношений. Напомним, что правительство консерваторов во главе с премьером С. Болдуином и министром иностранных дел О. Чемберленом пришло к власти после всеобщих выборов на волне антикоминтерновского бума в Соединенном Королевстве октября – ноября 1924 г., который был вызван скандальным инцидентом вокруг так называемого «письма Зиновьева» в адрес руководства Коммунистической партии Великобритании [Сергеев 2019, с. 507–529]. Последовавшие несколько лет запомнились современникам как период зигзагообразного развития двусторонних дипломатических контактов – от холодной отчужденности 1925–1926 гг. через разрыв (в британской трактовке – приостановки) в 1927 г. до восстановления в конце 1929 г., правда, уже при втором лейбористском кабинете Р. Макдональда.

Учитывая специфику отношений между Москвой и Лондоном, включавших политическое противостояние на фоне в це-

лом поступательного развития экономического взаимодействия и активизации к началу 1930-х гг. культурного обмена, несомненный интерес вызывают разработка и попытки осуществления их стратегических планов в пограничных районах упоминавшихся азиатских государств. Задача реконструкции советской и британской внешнеполитической деятельности на их территории заставляет исследователя аргументировать ответ на закономерный вопрос об идее «мировой революции» как основного мотива ответных действий британской дипломатии в Азии. Либо эта концепция ко второй половине 1920-х гг. все же начала отходить на второй план, уступая место геополитическим интересам обеих держав? А возможно, следует учитывать какие-то дополнительные факторы, заставившие Москву и Лондон адаптировать свои действия на Среднем Востоке к постоянно менявшейся обстановке в условиях подъема волны региональных националистических движений в Персии, Афганистане и Китае, правительство которого пусть во многом формально, но контролировало Синьцзян и Тибет?

Говоря о корпусе привлекаемых источников, назовем дипломатическую переписку из российских и британских архивов, аналитические обзоры и сводки разведывательных структур обеих стран, программные документы Коминтерна о задачах работы в странах Востока, выступления и интервью политических деятелей, наконец, материалы личного происхождения, которые оставили участники и очевидцы описываемых событий.

Подчеркнем также, что, несмотря на внушительное количество публикаций о коллизиях в отношениях между Москвой и Лондоном с проекцией на ключевые регионы Азии, в историографии до настоящего времени отсутствуют специальные работы, посвященные компаративной реконструкции динамики советско-британского противостояния на Среднем Востоке и прилегающих к нему обширных пространствах Синьцзяна и Тибета. Между тем, по убеждению автора, без устранения имеющихся лакун трудно рассчитывать на глубокое понимание механизма и характера функционирования Версальско-Вашингтонской системы в период ее зрелости.

При этом нелишним будет указать на оживленные, а порой весьма острые дискуссии, которые возникали между представителями высших эшелонов власти, как в Советском Союзе, так и Великобритании, относительно стратегических направлений и практических мер по обеспечению их геополитических интересов в азиатских регионах. Иллюстрацией служит, например, следующее высказывание главы Народного комиссариата ино-

странных дел (НКВД) Г.В. Чичерина на Третьем съезде Советов в мае 1925 г.: «Политика Англии заключается в том, что Англия официально отрицает враждебные замыслы против нас, а фактически мы встречаем повсюду на нашем пути противодействие английских агентов. В чем их стремление, чего они хотят?.. Мы этого не знаем, это неясно. Политика Англии текуча, там борются разные тенденции»². Своеобразным «зеркальным отражением» указанной ситуации в британской властной элите выступало соперничество подходов к внешней политике среди кремлевских руководителей, сопровождавшееся острейшей борьбой за власть различных группировок среди высшей партийной номенклатуры. Если Троцкий, Зиновьев и их сторонники продолжали выступать с позиций «экспорта» коммунистической революции за рубеж, то И.В. Сталин вместе с большинством членов ЦК ВКП(б) заняли оборонительные позиции, считая СССР «осажденной крепостью». Именно они к середине 1920-х гг. сформулировали концепцию «построения социализма в одной стране» [Tucker 1977, p. 567]. А приверженцы «третьей линии» в лице Г.В. Чичерина, Л.Б. Красина, Г.Е. Сокольников и других стремились к поддержанию мирного сосуществования с западными странами в течение длительного периода, опираясь на поддержку их леволиберальной интеллигенции и других слоев общества, сочувствовавших большевистскому «социальному эксперименту» [Ulam 1968, p. 163].

Здесь стоит подчеркнуть, что кремлевское руководство обсуждало вопросы внешней политики, не исключая ситуации в странах Азии, преимущественно на заседаниях Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б), образуя в случае чрезвычайных обстоятельств специальные комиссии, как, например, персидскую, афганскую или китайскую [Алексеев 2010, с. 77]. Традиционно эти временные консультативные структуры включали членов ПБ, представителей Реввоенсовета республики, руководителей спецслужб и экспертов-международников. Главный аргумент, который приводили большевистские руководители вне зависимости от точки зрения на развитие отношений с Великобританией и другими западными странами, заключался в том, что «без союза с СССР нет спасения зависимым и слабым нациям»³. Такое мнение ос-

² Речь Чичерина на Третьем съезде Советов СССР, 14 мая 1925 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / Отв. ред. А.А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 8. С. 299.

³ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию: статьи, документы, материалы. Ташкент: Изд. Бюро прессы Среднего Востока при Средазбюро ЦК ВКП(б), 1929. С. 4.

новывалось на донесениях разведывательных служб о росте национально-освободительного движения на Востоке и необходимости «коммунистической милитаризации» таких стран, как Персия, Афганистан и Китай⁴.

В свою очередь, британское правительство еще в 1922 г. создало межведомственный Комитет по беспорядкам на Востоке (Committee on Eastern Unrest), члены которого после некоторой паузы возобновили регулярные заседания в марте 1926 г., когда решением Кабинета он структурно был подчинен Комитету имперской обороны (Committee of Imperial Defence) [Fisher 2000, р. 7–14, 16]. Чиновники высокого ранга, обсуждавшие меры по противодействию «коммунистической угрозе» имперским владениям, демонстрировали глубокую уверенность в том, что, цитируя министра транспорта Э. Уилфрида, «в Египте, Индии, даже среди племен Центральной Африки, коммунисты заняты возбуждением ненависти и презрения к белому человеку и плодам его деятельности» [Ashley 1925, р. 633]. Иными словами, распространение «мировой революции» на Восток, а в интерпретации советских представителей, например исполнявшего обязанности полпреда в Лондоне Х.Г. Раковского, политика «поддержки самоопределения народов Азии» угрожала в понимании Уайтхолла распадом Британской империи. Понятно, что такая перспектива исключала какую-либо возможность нормализации двусторонних отношений⁵.

Переходя к рассмотрению событийной ткани второй половины 1920-х гг., выделим *Персию* как одну из важнейших стран, занимавших промежуточное положение между двумя империями на Среднем Востоке. Новый раунд их соперничества происходил на фоне утверждения режима шаха Реза Пехлеви, пришедшего к власти в результате правительственного переворота 12 декабря 1925 г. Еще за полгода до этого события британский посланник в Тегеране П. Лорейн сообщал в Форин офис о политической стабильности, улучшении государственного администрирования и экономическом прогрессе как лучших «лекарствах от коммуни-

⁴ Краткий ориентировочный доклад Разведывательного управления Штаба РККА председателю Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе, 28 апреля 1925 г. // Глазами разведки: СССР и Европа: 1919–1938 гг.: Сборник документов из российских архивов / Сост. М. Уль и др. М.: Историческая литература, 2015. С. 181; Краткий ориентировочный доклад Разведывательного управления Штаба РККА председателю Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе, 20 июля 1925 г. // Там же. С. 199.

⁵ Раковский – Литвинову, 3 апреля 1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 069. Оп. 9. Пап. 20. Д. 4. Л. 16.

стической инфекции». «В 1921 г., когда я [т. е. Лорейн. – *Е. С.*] приехал в Персию, – продолжал свое донесение дипломат, – большевики определенно имели все козыри на руках, но все испортили. Им не удалось извлечь выгоду из тех возможностей, которые им предоставил советско-персидский договор марта 1921 г. Они растратили впустую в ходе глупых интриг доброжелательные чувства, которые к ним испытывало местное население, а их тактика и поведение привели скорее к подозрениям и негодованию, чем к успокоению»⁶.

Комментируя это заявление, напомним читателю, что речь в нем идет о неудавшейся попытке Москвы в лице Зиновьева и других руководителей Коминтерна, используя сепаратистское движение, добиться в 1920–1921 гг. создания в северо-западном регионе Персии так называемой Гилянской советской республики с перспективой ее присоединения к Азербайджану. Хотя Чичерин, его заместитель Л.М. Карахан и большевистские представители в Тегеране – полпреды К.К. Юренев (с 1925 по 1927 г.) и Я.Х. Давтян (с 1927 по 1930 г.) неустанно заверяли правительство шаха в невмешательстве и поддержке. Важную роль с точки зрения восстановления позиций Москвы на севере Ирана, особенно в экономической области, были призваны сыграть советско-персидский договор о нейтралитете, торговая и таможенная конвенции, а также соглашение о сдаче в аренду на 25 лет пристаней в каспийском порту Энзели, подписанные 1 октября 1927 г. [Хейфец 1968, с. 260; Володарский 1985, с. 120].

Тем самым во второй половине 1920-х гг. фактически наблюдалась реанимация довоенной линии российской дипломатии. Неслучайно ведущие персидские газеты пришли к следующему заключению: «В основе своей политики Россия совершенно не изменилась, и теперешние правители Севера продолжают, в сущности, ту же политику, что проводили и (А.П. – *Е. С.*) Извольский и (С.Д. – *Е. С.*) Сазонов (министры иностранных дел соответственно с 1906 по 1910 г. и с 1910 по 1916 г. – *Е. С.*)... Они (большевики. – *Е. С.*) желают привлечь к себе народы Азии для того, чтобы проложить себе дорогу к Персидскому заливу, Оманскому морю и Индии» [Володарский 1985, с. 107–108]. А уже известный нам посланник Лорейн констатировал в одной из депеш, направленных из Тегерана в Лондон: «Московская политика здесь – разновидность империализма: они действуют как русские, а не как большевики, и их главная цель создавать трудности для нас

⁶ Lorraine to A. Chamberlain, 16 June 1925 // The National Archives of the United Kingdom (TNA), Foreign Office (FO) 800/258/165.

и между нами и Персией. Для этого они оживили пресловутую тактику запугивания персидского правительства»⁷.

Со своей стороны, британская дипломатия также на словах выступала за консолидацию режима Реза-хана, предложив ему помимо щедрых финансовых субсидий помощь в реализации инфраструктурных проектов развития дорожной сети, строительства линий связи, аэродромов и морских портов⁸. Поистине символом новой политики Лондона на Среднем Востоке должно было стать открытие в 1928 г. регулярной авиалинии Лондон–Каир–Карачи. Однако в реальности британцы стремились прежде всего контролировать торговое судоходство в районе Персидского залива, но главное – национальную нефтедобычу через «Англо-Персн Ойл Компани» (Anglo-Persian Oil Company), акционерами которой являлись некоторые высокопоставленные лица в кабинетах Уайтхолла. При этом учреждение все новых и новых консульских учреждений в провинциях обширной страны давало Лондону возможность использовать различные средства давления на Тегеран, включая оказание тайной поддержки арабским племенам Хузистана – юго-восточной провинции, пограничной с Ираком [Южный 1928, с. 47–49].

Некоторые историки обращали внимание на угрозу позициям Британии в случае формирования у границ Индостана военно-политического блока в составе Турции, Персии и Афганистана под эгидой СССР. Однако серия договоров между Анкарой, Тегераном и Кабулом о тесном сотрудничестве, заключенных в 1926–1928 гг., выступала прежде всего свидетельством неприятия этими государствами во главе с национальными лидерами как большевистской пропаганды, так и сохранения привилегированного статуса британских юридических и физических лиц [Володарский 1985, с. 122–131].

Учитывая предложение Чичерина в адрес Чемберлена восстановить действие положений российско-британской конвенции 1907 г. [Sabahi 1990, р. 198–200], говорить об угрозе «экспорта мировой революции» в страну, власти которой жестоко преследовали членов местной компартии, не приходилось вовсе. Хотя опасения по поводу «наводнения» приграничных персидских территорий большевистскими агитаторами долгое

⁷ Loraine to A. Chamberlain, 15 February 1926 // Documents on British Foreign Policy (DBFP) / Ed. by W.N. Medlicott, D. Dakin, M.E. L.: HMSO, 1966. Ser. 1A. Vol. 1. P. 823.

⁸ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию... С. 10–22.

время сохранялись у дипломатов и военных администраторов, новый посланник в Тегеране Р. Клайв, проводивший мониторинг перемещений советских официальных лиц и секретных агентов Коминтерна по территории Персии, с удовлетворением информировал руководство Форин офис в феврале 1929 г.: «Я убежден, что в настоящее время установленная политика шаха и министра двора (А.Х. Теймурташа – ближайшего сподвижника нового персидского правителя Реза Пехлеви. – Е. С.) состоит в том, чтобы не допускать российской пропаганды в любой форме»⁹.

Результатом описанных коллизий в дальнейшем стала политика равноудаленности Персии (с 1935 г. – Ирана) от Москвы и Лондона вместе с поиском опоры на третью силу, которой, по мнению иранского шаха, вполне могла стать гитлеровская Германия. Именно эта позиция привела в августе 1941 г. к решению советского и британского правительств о вводе войск двух стран соответственно на север и юг этой страны.

Несмотря на безусловное значение Персии для усиления позиций СССР и Британской империи в странах Среднего Востока, ключевое значение в этом плане имел все же *Афганистан* – предмет постоянной заботы советского и британского правительств на протяжении десятилетий. Здесь необходимо иметь в виду, что для Москвы важно было обеспечить безопасность границ сразу трех республик – Туркменской, Узбекской и Таджикской (до 1929 г. – АССР), ликвидировав угрозу рейдов басмачей на их территорию. А для Лондона принципиальное значение имела доступность путей гипотетического вторжения с территории большевистской Средней Азии в Северо-Западную пограничную провинцию (СЗПП) Британской Индии именно через территорию Афганистана. Ведь, как утверждали находившиеся под сильным влиянием Коминтерна индийские националисты, «по своему географическому положению Кабул замыкает все сухопутные дороги, ведущие из Передней Азии в Британскую Индию»¹⁰. Неслучайно советник британского дипломатического ведомства, историк-международник Дж. Хедлем-Морли призывал не упускать из виду фактор России как «преимущественно великой азиатской державы», любой конфликт с которой сразу же отразится на ситуации в Индии, а через Китай и Японию может повлиять даже на положение Австралии [Headlam-Morley 1930, p. 190].

⁹ Clive to Chamberlain, 26 February 1929 // The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office. 24/203/2.

¹⁰ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1918–1925): Сб. документов / Сост. Ю.Н. Тихонов. М.: Квадрига, 2017. С. 433.

Другими словами, Афганистан рассматривался Кремлем и Уайтхоллом в качестве значимого стратегического плацдарма, контроль над которым постоянно требовал от них крупных финансовых и материальных затрат. Ситуация осложнялась стремлением эмира Амануллы, захватившего власть в начале 1919 г., «столкнуть лбами» русских и британцев, получая субсидии от обеих сторон и направляя активность воинственных горцев, среди которых доминировали пуштуны, против либо большевистского Туркестана (набеги отрядов басмачей), либо британского Раджа (восстания в полосе «свободных племен»). Хотя афганскому владыке на протяжении десятилетия с большим трудом удавалось сохранять хрупкий баланс сил между различными племенными объединениями и кланами, он стремился заимствовать опыт турецкого лидера М. Кемалья по модернизации страны. Ведь, по воспоминаниям А.М. Коллонтай, которая встречалась с Амануллой и его супругой во время поездки эмира по некоторым странам Европы, он «метил в Петра I и хотел пробить выход к Индийскому океану»¹¹.

Здесь стоит указать на замыслы Амануллы объединить под своим началом территории, населенные пуштунскими и родственными им племенами. Иллюстрацией этих далекоидущих проектов является следующее высказывание эмира в беседе с советским представителем: «Твердо веря в полную возможность объединения всех азиатских мусульман вокруг Афганистана, я думаю, что Советская Россия ради укрепления моих сил для будущей войны с Англией легко могла бы уступить мне только под протекторат Закаспийскую область, Хиву, Бухару и Фергану» [Бармин 2022, с. 91–92]. Таким образом, панисламистские идеи Амануллы давали Москве и Лондону повод к взаимным обвинениям в попытках использовать Афганистан для нанесения друг другу максимально возможного геополитического ущерба.

По сообщениям британского посланника в Кабуле Ф. Хамфриса, летом 1925 г. там находилось около 80 советских представителей и агентов Коминтерна, включая 29 военных летчиков-инструкторов, что в десять раз превышало количество проживавших там британцев¹². Далее он указывал, что советский полпред Л.Н. Старк обычно использовал взятки и интриги, что-

¹¹ Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. М.: Academia, 2001. Т. 1. С. 343.

¹² Humphrys to government of India, 6 July 1925 // Afghanistan strategic intelligence. British records 1917–1970 / Ed. by A.L.P. Burdett. Chippenham: Archive Editions, 2002. Vol. 1. P. 682.

бы дестабилизировать британское правление в Индии, осуществляя тайную поддержку мятежных племен. Для предотвращения реализации этого сценария Хамфрис предлагал оказывать дипломатическое давление на большевиков в Европе, а в Афганистане противодействовать подстрекательской деятельности Коминтерна путем учреждения консульств в административных центрах, регулярного субсидирования эмира, а также предоставления афганцам технической помощи в разработке недр и строительстве дорог с твердым покрытием¹³.

Антиправительственное выступление трех племен численностью до 50 тыс. чел. в пограничной провинции Пактия на рубеже 1924–1925 гг., известное специалистам как Хостский мятеж, было расценено советской дипломатией как очередной британский заговор против Амануллы [Тихонов 2008, с. 148–153]. Стремясь использовать ситуацию в интересах «мировой революции», эксперты Коминтерна предложили высшему советскому руководству заключить секретное соглашение с эмиром по формированию повстанческих отрядов в СЗПП для нападения на британские гарнизоны и лояльные им племена. И хотя эта инициатива была отвергнута большинством членов ПБ, на очередном заседании «Инстанции» все же решили перейти к формированию в Афганистане широкой сети резидентов и информаторов, что вызвало резкий протест Чичерина [Тихонов 2008, с. 168]. Примечательно, однако, что военную помощь правительству эмира оказала не только Москва, но и Лондон (точнее, Дели), по приказу которого британские самолеты бомбили восставшие пуштунские селения в течение 57 дней и ночей, хотя многие племена в СЗПП рассматривали Аманулла как своего покровителя [Тихонов 2007, с. 114].

Серьезные опасения Форин офис касательно изменения позиции афганского эмира, который, судя по оптимистическому заявлению Старка, «определенно принял нашу [т. е. советскую. – Е. С.] ориентацию»¹⁴, получили подтверждение после заключения в конце августа 1926 г. советско-афганского договора о нейтралитете и взаимном ненападении, который также урегулировал территориальный спор вокруг бывшего бухарского владения, острова Урта-Тагай на р. Пяндж [Хейфец 1968, с. 275–276; Володарский 1985, с. 192–183]. Тем более что основные положения трактата развивали статьи аналогичного документа,

¹³ Ibid. P. 679–682.

¹⁴ Humpfrys to A. Chamberlain, 20 April 1925; DBFP, 1st ser. Vol. 25. P. 660–662; Советская Россия в борьбе за «афганский коридор»... С. 442.

подписанного Москвой и Кабулом еще в 1921 г. Конечно, британские правительство и пресса не могли игнорировать обещания помощи эмиру со стороны большевистского правительства, которое выражало готовность обеспечить афганскую армию советским вооружением и инвестировать 3 млн руб. в развитие инфраструктуры, например финансировать сооружение стратегических шоссе и аэродромов¹⁵. По мнению Хамфриса, эти щедрые послы свидетельствовали о возрастании «русской угрозы» Афганистану, хотя сам Аманулла в беседе с британским дипломатом заявил ему, что не испытывает иллюзий относительно замыслов Москвы распространить в его стране «революционные доктрины» [Stewart 1973, p. 310–311].

В 1928 г. новый поворот внутривнутриполитической борьбы, связанный с восстанием Бачаи Сакао, таджика по национальности, бывшего военнослужащего армии эмира, окончательно похоронил надежду лидеров Коминтерна и поддерживавших их членов кремлевского руководства подготовить революционный взрыв на восточных рубежах Британской империи. Поскольку само восстание довольно подробно описано в современной историографии [Stewart 1973, p. 425–443; Тихонов 2007, с. 118–135; Тихонов 2008, с. 174–184; Бойко 2010, с. 110–183], автор статьи не видит необходимости детально освещать это событие. Однако важно подчеркнуть, что среди кремлевской верхушки возникли разногласия по характеру и движущим силам мятежа. Если коминтерновцы и руководители ОГПУ оценивали это выступление как революционное движение против феодально-клерикального режима Амануллы, то сотрудники НКВД во главе с Чичериным и его заместителем Л.М. Караханом считали лидера восставших криминальным элементом, который пользуется поддержкой басмачей, а перспективы удержания им власти близкими к нулю в силу его этнической принадлежности и отсутствия какого-либо управленческого опыта [Бойко 2010, с. 159]¹⁶.

Впрочем, попытка оказания помощи бывшему эмиру путем ввода советского военного контингента численностью до 800 чел. в северный Афганистан закончилась ничем. Не получив поддержки среди консервативно настроенного духовенства и старейшин большинства племен, он в начале 1929 г. спешно

¹⁵ Английская пресса о «красной угрозе» Индии, июль 1926 г. // АВП РФ. Ф. 69. Оп. 15. Пап. 51. Д. 53. Л. 64–67.

¹⁶ Сводка 7-го отдела штаба Среднеазиатского военного округа № 13, октябрь – декабрь 1928 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 1805. Л. 1–36.

покинул Кабул, а через полгода и страну, что заставило отдать приказ о возвращении подразделений РККА домой в мае 1929 г. [Stewart 1973, p. 560–562; Володарский 1985, с. 193–194]. На этом фоне Кабинет Болдуина–Чемберлена занял нейтральную позицию, выжидая окончания гражданской войны. Отвечая на запрос одного из лейбористских депутатов парламента в январе 1929 г., шеф Форин офис пояснил, что «английское правительство не намеревается вмешиваться во внутренние дела Афганистана поддержкой или помощью какой-либо из сторон, в данный момент борющихся за власть в этой стране. Но в связи с отречением Амануллы также склонно оспаривать правомочность его правительства»¹⁷.

Как известно, правление Бачаи Сакао, объявившего себя 18 января 1929 г. эмиром Хабибуллой, оказалось краткосрочным. Его власть не распространялась далее столичной провинции, а режим так и не признали иностранные державы, хотя миссии СССР, Турции и Персии, а также группа германских дипломатов оставались в Кабуле на протяжении всех девяти месяцев пребывания узурпатора на троне. В октябре того же года отряды героя третьей англо-афганской войны, бывшего военного министра Мохаммеда Надир-хана заняли Кабул, где 1 ноября лидер мятежа был повешен на центральной площади под восторженные крики большинства горожан. Любопытно отметить, что, по примеру части населения Афганистана, кремлевские руководители считали Надир-хана британской марионеткой только на том основании, что он возвратился на родину из Европы через Индию, хотя в реальности очередной афганский владыка испытывал симпатии скорее к Берлину, чем к Лондону [Бойко 2010, с. 377]¹⁸.

В конечном итоге, несмотря на еще тлевшие очаги недовольства отдельных племен, подавление движения Бачаи Сакао все же заставило Москву и Лондон приступить к политическим консультациям с правительством Надир-хана, завершившимся в начале 1930-х гг. подписанием соответствующих соглашений. Однако главным итогом рассмотренных событий для Афганистана явилось сохранение независимости на основе консолидации различных социальных и этнических групп вокруг фигуры шаха. Что касается Москвы, то в обмен на отказ от попыток большевизации этой страны кремлевское руководство добилося

¹⁷ Наступление английского империализма на Афганистан и Персию... С. 77.

¹⁸ Сводка полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии, 15 марта 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2208. Л. 67–68.

вместе с прекращением басмаческого движения стабилизации положения на южных рубежах. А Лондон в свою очередь получил гарантию безопасности северо-западных границ Британской Индии не только от вторжения извне, но и от выступлений племен при поддержке иностранных держав.

Нам осталось кратко рассмотреть трансформацию ситуации в двух регионах бывшей Цинской империи – Синьцзяне и Тибете, лишь номинально признававших сюзеренитет Пекина в период нескончаемых столкновений милитаристских клик на территории приморских провинций. Оба они имели большое стратегическое значение, отличаясь заметным своеобразием природного ландшафта и этноконфессионального состава.

К середине 1920-х гг. главной проблемой для советского правительства в *Синьцзяне* стал вопрос о сосредоточении там до 70 тыс. беженцев из России, среди которых так называемые непримиримые противники большевиков составляли, по подсчетам специалистов, 15–20%. Именно они создавали воинские союзы бывших офицеров, образуя, по донесениям сотрудников ОГПУ, питательную среду для деятельности агентов британских спецслужб и антибольшевистского подполья на территории СССР [Обухов 2007, с. 142–143; Наземцева 2013, с. 98].

Со своей стороны, Уайтхолл рассматривал Китайский Туркестан, как еще называли Синьцзян, еще одним важным стратегическим регионом на северо-западных подступах к имперским владениям. Как свидетельствуют данные разведки, чиновники колониальной администрации в Индии стремились контролировать транспортные пути через Синьцзян, пресекая транзит десятков революционеров и крупных партий оружия, который пытались осуществлять агенты Коминтерна¹⁹. Поэтому в южной части Синьцзяна – Кашгарии – британцы сохраняли свои позиции, тогда как на севере региона – в Джунгарии – доминировало влияние советских консульских представителей [Nyman 1975, p. 75].

При этом Москва и Лондон были в равной степени обеспокоены активизацией различных сепаратистских движений на территории Синьцзяна, цель которых состояла в отделении от Китайской республики и провозглашении суверенного исламистского государства. Однако не в пример британцам некоторые советские руководители, включая Сталина, рассчитывали использовать сепаратистов для превращения Синьцзяна в опорный регион влияния СССР на страны Восточной Азии [Обухов 2007, с. 208].

¹⁹ Note by V. Short, officer of the India Government Intelligence Bureau, 14 March 1926 // Afghanistan strategic intelligence... Vol. 1. P. 693–695.

Появление осенью 1925 г. в Кашгаре нового генерального консула, бывшего латышского стрелка М.Ф. Думписа, которое совпало по времени с назначением на аналогичный пост британского представителя Дж. Джиллана, знаменовало начало очередного раунда советско-британского противоборства. Хотя внимание Уайтхолла в этот период было отвлечено от Синьцзяна антизападным революционным движением в других провинциях Китая, заключение секретного соглашения между Москвой, националистическим правительством в Кантоне и милитаристами левой политической ориентации вызвало серьезные опасения Кабинета Болдуина–Чемберлена. Ведь согласно этому документу предполагалось образовать исламскую республику в составе Синьцзяна и пограничной с ним северо-западной провинции Ганьсу во главе с генералом Фэн Юйсяном, но под фактическим советским контролем. По мнению британцев, в дальнейшем такое квазигосударственное образование могло быть инкорпорировано в СССР на правах союзной республики, что привело бы к трансформации всего регионального «баланса сил» [Nyman 1977, p. 61].

Эскалация деятельности агентов Коминтерна и советских спецслужб в Синьцзяне, достигшая апогея в конце 1926 – начале 1927 г. и выразившаяся, например, в организации беспрецедентного празднования 1 Мая в Кашгаре под красными флагами, а также в настойчивом стремлении большевистских эмиссаров установить контакты с Далай-ламой, встретила решительный отпор губернатора Ян Цзенсиня и других облеченных полномочиями лиц [Nyman 1977, p. 60]. Однако все попытки местных китайских властей заручиться поддержкой британских представителей в перевооружении территориальных сил, чтобы нейтрализовать влияние революционеров и сепаратистов, не приносили результата, пока националистическое правительство не перешло окончательно под контроль генерала Чан Кайши в апреле 1927 г. Только после этого начались аресты сторонников коммунистов, а вместе с ними и исламских сепаратистов, особенно из числа уйгуров и дунган, наряду с борьбой против советского влияния [Nyman 1977, p. 68–69]. Хотя справедливости ради надо отметить, что это влияние, особенно в экономической сфере, продолжало возрастать на протяжении всех 1930-х гг., что превратило Синьцзян в неофициальный протекторат СССР [Conolly 1933, p. 125; Анисимов и др. 2014, с. 146–320].

Не менее противоречиво, чем с Синьцзяном, развивались отношения большевистского руководства и с *Тибетом*, претендовавшим в рассматриваемый хронологический отрезок на не-

зависимый статус, о котором Далай-лама XIII объявил еще в 1913 г., но который не был признан Лигой Наций. При рассмотрении ситуации вокруг Тибета стоит еще раз обратить внимание на столкновение различных точек зрения внутри кремлевского руководства. Если Чичерин предлагал Сталину направить в Лхасу дипломатическую миссию, заключив с британцами новое соглашение о взаимном соблюдении интересов, то, например, заведующий монголо-тибетским отделом Коминтерна С.С. Борисов, побывавший в августе 1924 – мае 1926 г. на территории этого высокогорного государства, заявил в лекции студентам Коммунистического университета трудящихся Востока: «Для нас противодействие английскому вторжению, закрепление нашего влияния разными путями в Тибете, конечно, стимулируется прежде всего тем моментом, что Тибет находится по соседству с Индией, что по существу он является заключительным звеном той нашей линии соприкосновения с Англией, которая начинается с Турции и кончается в Китае» [Андреев 2006, с. 266–167].

18 декабря 1925 г. член коллегии НКВД С.И. Аралов направил в ЦК докладную записку с изложением задач установления советского контроля над теократическим государством. Отметив активную антибольшевистскую деятельность британского дипломатического агента Ф. Бейли в Сиккиме – пограничном княжестве к югу от Лхассы, – Аралов подчеркнул: «Пока Англия не захватила важнейшие командные позиции в Тибете, необходимо противопоставить ее агрессии все наши реальные возможности» [Андреев 2006, с. 281]. Неслучайно поэтому в 1926 г. Москва направила туда советско-монгольскую миссию А.Ч. Чапчаева, членам которой после нескольких месяцев многотрудного и опасного путешествия удалось достичь столицы, где они находились с мая по декабрь 1927 г.

Практически в то же время другая, на этот раз неофициальная экспедиция под руководством известного буддолога и художника Н.К. Рериха, имевшего на руках сразу три паспорта – советский, британский и французский, также попыталась достичь Лхассы. Отметим, что, готовясь к путешествию в Москву, Рерих встречался не только с Чичериным и Караханом, но и руководителями Коминтерна, а также некоторыми должностными лицами ОГПУ, включая начальника Иностранного отдела Г.И. Бокия. В дневниковой записи от 5 апреля 1926 г. супруга художника Елена Рерих следующим образом формулировала цель экспедиции: «Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буддистов, рассыпанных по миру, дадут не-

обходимую мощь неожиданности»²⁰. По сути, основная идея Рериха – объединение исповедовавших буддизм народов Азии в, как он называл, Монголо-Сибирское государство – Священный союз Востока, означала бы ликвидацию британского влияния во всей Центральной Азии. Поэтому Рерих намеревался убедить Далай-ламу вступить в тесные партнерские отношения с СССР, для чего члены экспедиции везли с собой крупную партию оружия, предназначенного для национальной тибетской армии, в создании которой советские военные инструкторы намеревались оказать непосредственное содействие. Однако все попытки Рериха достичь Лхассы в конце 1927 – начале 1928 г. оказались неудачными из-за блокирования единственной дороги в столицу Тибета местными властями, сильно обеспокоенными угрозой большевизации их страны благодаря активности упоминавшегося Бейли [Андреев 2006, с. 300–308].

Подводя итоги, отметим, что аналогично иллюзорным схемам Коминтерна по использованию панисламистских движений на Среднем Востоке и в Синьцзяне замыслы о превращении Тибета в очаг «буддийско-коммунистической революции» на Востоке так и не вышли из области авантюристических проектов. В свою очередь, провал экспорта «мировой революции» на окраины Британской империи, означавший, по меткому выражению бывшего министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, «возбуждение всех, кого можно, против Англии», а также «создание в мировом масштабе организма, который можно было бы противопоставить Лиге Наций»²¹, имел далекоидущие последствия для внутренней и внешней политики Страны Советов.

В первом случае большевистское руководство во главе с новым вождем – И.В. Сталиным перешло к окончательной ликвидации рыночных отношений, искоренению остатков демократии и форсированному тоталитарному преобразованию России. Во втором – оно фактически вернулось к выполнению имперских задач на международной арене, придавая традиционным подходам видимость защиты интересов трудящихся «первой в мире страны социализма», как это продемонстрировала так называемая «военная тревога» 1927 г.

Наше исследование показывает, что советско-британские отношения в полной мере испытали на себе воздействие указан-

²⁰ Рерих Е.И. Листы дневника: 1925–1927. М.: Рассанта, 2012. С. 124.

²¹ Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж: Imprimerie d'Art Voltaire, 1927. Т. 1. С. 362.

ной трансформации. Подтверждением служит оценка их состояния, которую в середине 1920-х гг. представила своим читателям германская либеральная газета «Франкфуртер Цайтунг» (Frankfurter Zeitung), процитированная Троцким в брошюре о положении Великобритании: «Нынешняя напряженность англо-русских отношений вызвана не угрозой социалистической революции со стороны Коминтерна, а старым антагонизмом обеих стран в области мировой политики, – антагонизмом, который не был ликвидирован мировой войной, потому что там дело шло о европейских проблемах... В результате по всей линии, разделяющей сферы влияния обеих держав в Азии, воскресают старые конфликты. Средства борьбы изменились, но цели остались те же»²².

Справедливости ради отметим, что в конце своего пребывания на посту наркома Чичерин вынужден был признать ошибки Кремля, которые, по его мнению, явились следствием не только геополитических иллюзий руководства Коминтерна, но и межведомственной борьбы в коридорах власти. Критикуя на примере Афганистана узость мышления и непонимание реальной международной ситуации представителями высшей советской номенклатуры, он 20 июня 1929 г. писал Сталину из немецкого Висбадена, где находился на длительном лечении: «Мировой стык между СССР и Британской империей казался ему (председателю ВЦИК М.И. Калинину. – Е. С.) менее важным, чем Коломна и Бронницы. Вот национальная ограниченность. Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки история». И далее: «Все эти нелепые разговоры в Коминтерне о борьбе против мнимой подготовки войны против СССР только портят и подрывают международное положение СССР» [Соколов 1994, с. 13–14].

Бурные события второй половины 1920-х гг. в Персии, Афганистане и Китае, не только революционные выступления, но и освободительные движения под националистическими лозунгами на территории Синьцзяна и Тибета, убедительно опровергают далекие от истины суждения некоторых современных авторов о сворачивании сталинским руководством новой экономической политики и ужесточении репрессий якобы из-за действий британских разведывательных служб [Цыплин 2015, с. 91]. Проведенное исследование не оставляет сомнений в том, что к началу 1930-х гг. серия дипломатических и военных мер, предпринятых Лондоном, с одной стороны, и постепенное осознание больше-

²² *Троцкий Л.Д.* Куда идет Англия? М.; Л.: Госиздат, 1926. Вып. 2. С. 88.

вистскими верхами бесперспективности распространения «мировой революции», по крайней мере, на страны Востока – с другой, превратили эту идею из реальной геополитической угрозы для Британской империи в пропагандистское клише советского Агитпропа.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 22-18-00011 «Трансферты колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны».

Acknowledgements

The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Transfers of Colonial Order: Models of Internal Defence in the aftermath of the Great War”, no. 22-18-00011

Литература

- Алексеев 2010 – *Алексеев М.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М.: Кучково поле, 2010. 608 с.
- Андреев 2006 – *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского государственного ун-та; Изд. А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.
- Анисимов и др. 2014 – *Анисимов И.В.* и др. Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. Барнаул: Азбука, 2014. 458 с.
- Бармин 2022 – *Бармин В.А.* Басмаческое движение Советского Туркестана в планах некоторых антибольшевистских сил (1918–1933 годы) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66. № 1. С. 84–97.
- Бойко 2010 – *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.; Барнаул: Ин-т востоковедения РАН, Алтайская государственная педагогическая академия, 2010. 391 с.
- Володарский 1985 – *Володарский М.И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). L.: Overseas Publication Interchange, 1985. 242 с.
- Драбкин 1998 – Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред., сост Я.С. Драбкин. М.: Наука, 1998. 949 с.
- Наземцева 2013 – *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013. 465 с.
- Обухов 2007 – *Обухов В.Г.* Схватка шести империй: Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007. 512 с.
- Сергеев 2012 – *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов. научных изданий КМК, 2012. 454 с.

- Сергеев 2019 – *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане: Советско-британские отношения, 1918–1924: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019. 831 с.
- Соколов 1994 – *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин: Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 3–18.
- Тихонов 2007 – *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк: Информ, 2007. 382 с.
- Тихонов 2008 – *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина: битва за Центральную Азию. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 704 с.
- Хейфец 1968 – *Хейфец А.Н.* Советская дипломатия на Востоке: 1921–1927. М.: Наука, 1968. 328 с.
- Цыплин 2015 – *Цыплин В.Г.* Дипломатическое противостояние в период англо-советского разрыва (1927–1929 гг.) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. История международных отношений. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 88–93.
- Южный 1928 – *Южный К.* Англо-персидские трения в Персидском заливе // Международная жизнь. 1928. № 7. С. 41–49.
- Ashley 1925 – *Ashley W.* The menace of communism // English Review. 1925. No. 12. P. 628–634.
- Conolly 1933 – *Conolly V.* Soviet economic policy in the East. Turkey, Persia, Afghanistan, Mongolia and Tana Tuva, Sinkiang. L.: Oxford University Press – Humphrey Milford, 1933. 168 p.
- Fisher 2000 – *Fisher J.* The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. 34. No. 1. P. 1–34.
- Headlam-Morley 1930 – *Headlam-Morley J.* Studies in diplomatic history. L.: Methuen, 1930. 312 p.
- Nyman 1975 – *Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934. Malmö: Esselte Studien, 1977. 165 p.
- Sabahi 1990 – *Sabahi H.* British policy in Persia. 1918–1925. L.: F. Cass, 1990. 269 p.
- Stewart 1973 – *Stewart R.T.* Fire in the Afghanistan 1914–1929. Faith, hope and the British Empire. N.Y.: Doubleday and Co., 1973. 614 p.
- Tucker 1977 – *Tucker R.* The emergence of Stalin's foreign policy // Slavic Review. 1977. Vol. 36. No. 4. P. 563–589.
- Ulam 1968 – *Ulam A.* Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–1967. N.Y.; Washington: F. Praeger, 1968. 775 p.

References

- Alekseev, M. (2010), *Sovetskaya voennaya razvedka v Kitae i khronika "kitaiskoi smuty" (1922–1929)* [Soviet military intelligence in China and the chronicle of the "Chinese mutiny" (1922–1929)], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Andreev, A.I. (2006), *Tibet v politike tsarskoi, sovetskoi i postsovetskoi Rossii* [Tibet in the politics of tsarist, Soviet and post-Soviet Russia], St Petersburg State University, Izdatel'stvo A. Terent'eva "Nartang", Saint Petersburg, Russia.
- Anisimov, I.V. et al. (2014), *Politika Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Asii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Russia's and China's policy in Central Asia in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries], Azbuka, Barnaul, Russia.

- Ashley, W. (1925), "The menace of communism", *English Review*, no. 12, pp. 628–634.
- Barmin, V.A. (2022), "Basmachi movement of Soviet Turkestan in the plans of some anti-Bolshevik forces (1918–1933)", *Novaya i noveishaya istoriya*, vol. 66, no. 1, pp. 84–97.
- Boiko, V.S. (2010), *Vlast' i oppositsiya v Afganistane: osobennosti politicheskoi bor'by v 1919–1953 gg.* [Power and opposition in Afghanistan. Peculiarities of political struggle in 1919–1953], Institut vostokovedeniya RAN, Altaikaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, Moscow, Barnaul, Russia.
- Conolly, V. (1933), *Soviet economic policy in the East. Turkey, Persia, Afghanistan, Mongolia and Tana Tuva, Sinkiang*, Oxford University Press – Humphrey Milford, London, UK.
- Drabkin, Ya.S. (ed., comp.) (1998), *Komintern i ideya mirovoi revolutsii. Dokumenty* [Comintern and the idea of world revolution. Documents], Nauka, Moscow, Russia.
- Fisher, J. (2000), "The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British responses to bolshevik and other intrigues against the empire during the 1920s", *Journal of Asian History*, vol. 34, no. 1, pp. 1–34.
- Headlam-Morley, J. (1930), *Studies in diplomatic history*, Methuen, London, UK.
- Kheifets, A.N. (1968), *Sovietskaya diplomatiya na Vostoke: 1921–1927* [Soviet diplomacy in the East. 1921–1927], Nauka, Moscow, Russia.
- Nazemtseva, E.N. (2013), *Russkaya emigratsiya v Sin'tsiane (1920–1930-e gg.)* [Russian emigration in Sinkiang (1920–1930)], Nobel Press, Moscow, Russia.
- Nyman, L.-E. (1977), *Great Britain and Chinese, Russian and Japanese interests in Sinkiang, 1918–1934*, Esselte Studien, Malmoe, Sweden.
- Obukhov, V.G. (2007), *Shkvatka shesti imperii. Bitva za Sin'tsian* [Battle of six empires. Struggle for Sinkiang], Veche, Moscow, Russia.
- Sabahi, H. (1990), *British policy in Persia. 1918–1925*, F. Cass, London, UK.
- Sergeev, E.Yu. (2012), *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Asii* [The Great Game, 1856–1907. Myths and realities of the Russian-British relations in Central and East Asia], Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK, Moscow, Russia.
- Sergeev, E.Yu. (2019), *Bol'sheviki i anglichane. Sovietsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924: ot interventsii k priznaniyu* [Bolsheviks and Englishmen. Soviet-British relations, 1918–1924. From intervention to recognition], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Sokolov, V.V. (1994), "Unknown G.V. Chicherin. From the declassified archives of the Russian Foreign Ministry", *Novaya i noveishaya istoriya*, vol. 2, pp. 3–18.
- Stewart, R.T. (1973), *Fire in the Afghanistan 1914–1929. Faith, hope and the British Empire*, Doubleday and Co., New York, USA.
- Tikhonov, Yu.N. (2007), *Politika velikikh derzhav i pushtunskie plemena (1919–1945)* [Policy of the great powers and the Pashtu tribes (1919–1945)], Inform, Moscow, Lipetsk, Russia.
- Tikhonov, Yu.N. (2008), *Afanskaya voina Stalina; bitva za Tsentral'nuyu Asiyu* [Stalin's Afghan war. Battle for Central Asia], Yauza, Exmo, Moscow, Russia.
- Tsyplin, V.G. (2015), "Diplomatic confrontation in the period of Anglo-Soviet rupture", *Izvestiya Sratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii*, vol. 15, iss. 2, pp. 88–93.

- Tucker, R. (1977), "The emergence of Stalin's foreign policy", *Slavic Review*, vol. 36, no. 4, pp. 563–589.
- Ulam, A. (1968), *Expansion and coexistence. The history of Soviet foreign policy, 1917–1967*, F. Praeger, New York, Washington, USA.
- Volodarskii, M.I. (1985), *Soviety i ikh yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933)* [Soviets and their southern neighbours Iran and Afghanistan (1917–1933)], Overseas Publication Interchange, London, UK.
- Yuzhnyi, K. (1928), "Anglo-Persian friction in the Persian Gulf", *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 7, pp. 41–49.

Сведения об авторе

Евгений Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; eugene.sergeev59@gmail.com

Information about the author

Evgeny Yu. Sergeev, Dr. of Science (History), professor, Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; eugene.sergeev59@gmail.com